

Если произошло то, что было обещано, 42-й Берлинский кинофестиваль открылся показом русского фильма Андрея Кончаловского, который, будем надеяться, когда-нибудь увидим и мы. А пока — беседа с русским режиссером, чьи фильмы смотрит весь мир.

Фильм Андрея Кончаловского «Ближний круг» снят на «Мосфильме», рассказывает о России, но предназначен изначально для аудитории международной. «Коламбия», одна из крупнейших голливудских фирм, приобрела фильм для мирового проката и подошла к его выпуску с той серьезностью и основательностью, какой обычно сопровождается выпуск произведений значительных, рассчитанных на долгую жизнь.

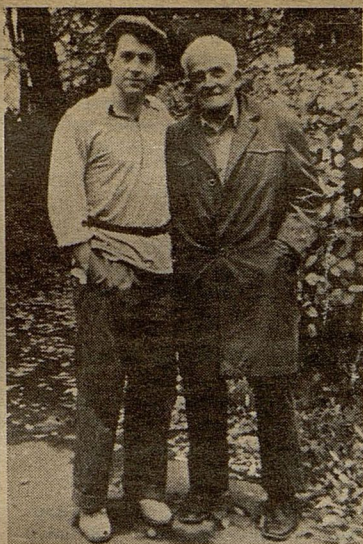
Специально к его выходу на экран была подготовлена к печати и с чисто американской быстротой издана специальная книга, цель которой — подготовить аудиторию, всерьез интересующуюся кино, к пониманию фильма. Мы делали ее вместе с режиссером фильма, перебрав для этого пухлые пачки фотографий, репродукций, многочисленные мемуары, свидетельства печатные, рукописные, устные (прежде всего рассказы прототипа главного героя — киномеханика Сталина А. С. Ганьшина). Как те, которыми Кончаловский пользовался при написании сценария, так и разнообразные иные, помогающие ввести зрителя, не нюхавшего коммуналки, ночных арестов, проработочных кампаний, славословий гениальному и великому, и прочих радостей сталинской эры, в атмосферу страшного времени, только сейчас безвозвратно изживаемого нашей страной.

Ну а прежде всего подготовка к прокату коснулась самого фильма, который еще на этапе монтажа выверялся и контролировался с учетом будущего восприятия публики. Об этом я и попросил рассказать Кончаловского.

— «Ближний круг» удалось закончить на четыре месяца позже, чем поначалу предполагалось. Так долго я монтировал только «Сибириаду».

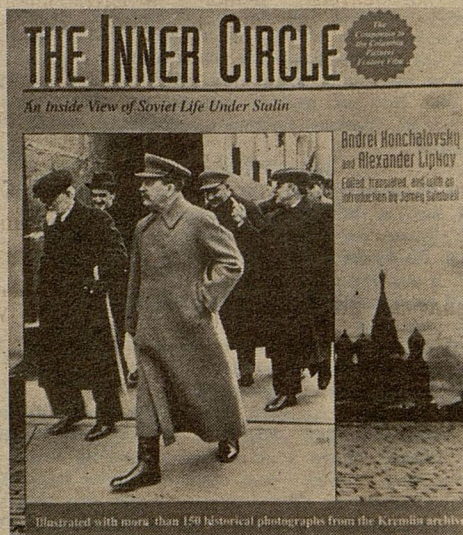
Десять месяцев монтажа, озвучивания — очень кропотливая работа. Теперь предстоит такая же кропотливая работа по озвучиванию картины на русском.

Когда я вчерне смонтировал картину, ее первый раз проверили на зрителе. Показывается картина, обычно зрителям нью-йоркских предместий, самой ординарной публике. Отбирается она по следующему принципу. Каждому дается список из пятнадцати картин более или менее элитарного свойства: «Амадеус», «Опасные связи», «Ганди». Если как минимум четыре из них вы видели — можете присутствовать на просмотре. Подбирается определенный тип людей, более или менее осведомленных о кино за пределами Америки, то есть зрительский уровень берется чуть выше среднего. Но все равно зритель — средний американец.

После просмотра каждому выдается социологическая анкетка с вопросами: Какой артист понравился? Какой не понравился? Объяснить ничего не надо. Надо просто проставить в нужной графе «да» или «нет». Не нужно расписывать, почему фильм понравился или не понравился. Все уже сформулировано. Вам понравился фильм, потому что он: а) интеллигентен, б) вызывает размышления, в) эмоционален, г) хорошо играют артисты и так далее. Вам понравился главный актер, потому что он: а) очень хорошо играет, б) красивый, в) правдивый. А рядом — мне не понравился актер, потому что он: а) плохо играет, б) некрасив, в) не убедителен. На долю зрителя остается лишь подчеркнуть то, с чем он согласен.

Просмотр обычно устраивается для аудитории человек в четырехста, после просмотра для обсуждения составляется сфокусированная группа из 20 человек. Отбор производится из тех, кто на вопрос «Хотите ли вы остаться после просмотра», отвечает положительно, то есть уже тем самым проявляет повышенную заинтересованность в судьбе фильма. Здесь уже задаются более детальные вопросы и выслушиваются более развернутые точки зрения. Результаты анкетирования и обсуждения закладываются в компьютер, который выдает рейтинг фильма. Каждый из зрителей оценивает фильм: отлично, хорошо, неплохо, посредственно, плохо. Результаты суммируются, выводится средний балл.

КИНОМЕХАНИКА ПО-КОЛАМБИЙСКИ

Все для человека, или На рынок с чистой совестью

На первом просмотре в Нью-Йорке он был достаточно низким, фильм был излишне длинен, какие-то детали, подробности для американцев оказались неясны.

Меня пригласили в «Коламбию», сказали: «Давайте прояснять. Публика не знает, что за война была у вас, почему правительство должно было переезжать на Урал. Молодым неизвестно, что там творилось в 1941 году в России. Кто такой Берия, кто — Ворошилов». Я понял, что без закадрового текста не обойтись. Поначалу это привело меня в ужас, но, поразмыслив, я понял, если разъяснить зрителю какие-то моменты, он будет тратить усилия не на понимание фактов, а на понимание нравственной сути вещи.

Итак, прежде всего предстояло сократить фильм. Не без трудов удалось ужать его на 24 минуты, от каких-то вещей было жалко отказываться, но, думаю, в целом купюры пошли на пользу. Затем надо было написать текст: мы дали его от лица нашего героя, киномеханика Ивана, как бы уже прошедшего жизнь. Текста очень немного, но он помогает понять зрителю отношение Ивана к Сталину, к членам правительства, к происходящим в стране событиям.

Чтобы написать этот очень короткий текст, студия наняла (не буду говорить, за какие деньги — в наши представления о реальности это все равно не укладывается) двух самых блестящих эрудитов. Один из них — продюсер и писатель (в числе его продюсерских работ получившее Оскара «Просыпание»), картина с Робертом Де Ниро в роли психически больного, на недолгий миг возвращающегося к нормальному сознанию), второй — мой большой друг, сценарист, специалист по Достоевскому, оба отлично знают, что такое Россия, ее история, культура. Они сделали предложение,

где нужно вставить текст, написали его с моей помощью.

Новый сокращенный вариант фильма с записанным в двух вариантах закадровым текстом, с подложенной музыкой привезли снова, на этот раз уже в Лос-Анджелес. На одном варианте настояла студия, он был явно неудачен, слишком все разжевывал, но в таких случаях лучше не спорить, благо, есть возможность на аудитории убедиться, какой лучше. Итоги просмотра (с «моим» вариантом текста) показали рейтинг, втрое более высокий, чем прежде. Но я все равно чувствовал, что картина длинна, и урезал ее еще на 6 минут.

В конце декабря началась демонстрация фильма в Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Торонто, в феврале он пойдет по всей Америке. Теперь предстоит работа над русской версией, она ни в чем не будет отличаться от англоязычной. Думаю, что и для отечественного зрителя закадровый текст окажется недлинным. Сегодняшние молодые уже не знают, кто такой Каганович, кто такой Ворошилов.

Что касается дальнейших планов, то сейчас у меня несколько проектов, громоздящихся один на другой. Скорее всего буду снимать экранизацию раннего романа Андре Мальро «Королевский путь»: действие его происходит в Индокитае, в Камбодже. Работа над сценарием сейчас заканчивается, постановочно он сложен, но, думаю, и интересен, и серьезен по философской мысли.

Есть предложение делать фильм о Кортесе, о завоевании Мексики. Это гигантская работа, съемки с десяти-пятнадцатью тысячами статистов. Нужно будет построить большой город, чтобы затем его разрушить.

Еще мне очень хочется сделать сказку. У меня есть давний проект — история мальчика, рожденного матерью в океане, выросшего среди китов, считающего себя сыном кита. Этот проект также очень сложен и

дорог. Сказки вообще очень трудно и хлопотно делать, они требуют бюджета не ниже 30 миллионов долларов, а эта, с механическими муляжами китов, с подводными съемками, обойдется во все пятьдесят.

И конечно, хочется снять фильм о России. Сейчас, мне кажется, очень нужна картина, помогающая людям обрести веру. Нельзя жить без веры. Да, разрушение изжившего себя было необходимо, но нужно и строить. Человеку неприятно слышать про то, какой он плохой. Он хочет слышать про то, какой он хороший. Так было во все времена и у всех народов. Хочется сделать что-то сегодняшнее, помогающее понять человеческую душу. Нужна комедия, но не ситуаций, а характеров. Велик русский характер, его терпение не знает предела. Это терпение — и достоинство, и недостаток. Русское терпение равно, наверное, лишь русской нетерпимости. Хорошо бы было наоборот — побольше терпимости, поменьше терпения. Нет другой нации, которая готова изо дня в день стоять по шесть часов в очередях. В любой другой стране после двух дней таких радостей правительство осталось бы не у дел.

Замечательна эта двойственность хорошего и дурного! С одной стороны, терпение помогало людям выдерживать все: оккупацию, нищету, тяжесть сталинских времен. С другой стороны, вся эта власть не продержалась бы столько, не будь такого чудовищного терпения. Картина такого рода сделать очень трудно. Жаль, что у Рызанова не получилось снять Чонкина. Великий характер!

У русского кинематографа есть одно из редких преимуществ — гигантский внутренний рынок. Он дает надежду, что русское кино выживет. Не поручусь за кино литовское или, скажем, эстонское. Пример Польши дает основание для очень серьезных опасений на этот счет. Польское кино, давшее столько замечательных фильмов и мастеров, практически больше не существует. Если что-то и снимается, то только с участием западных денег и западных звезд. Нет и кино румынского, чехословацкого, болгарского, венгерского. А у русского кино есть запас прочности — есть огромная аудитория, которая дает возможность продержаться даже в трудные времена. Есть надежда, что оно выживет, пройдет через полосу порнухи, макулатуры и всякого безобразия, и даст еще немало и талантливых лент, и талантливых имен. Хотя рынок — это, конечно, болезненно. Он еще даст по мозгам, и ой-ой-ой как уже дал...

Беседу вел Александр ЛИПКОВ.

● На обложке книги, подготовленной к выходу фильма, Сталин и его окружение (историческая фотография).

● Тож Хольц (слева) играет в фильме Ивана Ганьшина, прототипом которого стал Иван Ганьшин (справа) — киномеханик Сталина.

● Сталин и его окружение (в фильме).